

Александр Громов

Счастливая звезда Агафокла-младшего

*Часть сборника
Всем поровну (сборник)*

Александр Громов

**Счастливая звезда
Агафокла-младшего**

«ЭКСМО»

1998

Громов А. Н.

Счастливая звезда Агафокла-младшего / А. Н. Громов —
«Эксмо», 1998

«В двенадцатое лето правления любимого римским народом и осененного милостью богов кроткого кесаря Клавдия случилось событие настолько грандиозное по своим последствиям для судеб народов, населяющих Ойкумену, насколько же ничтожное по видимым проявлениям. Несомненно, именно поэтому оно ускользнуло от внимания историков, чьи имена могли бы придать вес этому рассказу, если бы только скепсис потомков не отнес его к разряду небылиц, как оно, вероятно, и произошло бы...»

© Громов А. Н., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Александр Громов

Счастливая звезда Агафокла-младшего

В двенадцатое лето правления любимого римским народом и осененного милостью богов кроткого кесаря Клавдия случилось событие настолько грандиозное по своим последствиям для судеб народов, населяющих Ойкумену, насколько же ничтожное по видимым проявлениям. Несомненно, именно поэтому оно ускользнуло от внимания историков, чьи имена могли бы придать вес этому рассказу, если бы только скепсис потомков не отнес его к разряду небылиц, как оно, вероятно, и произошло бы. Говоря короче, весной того года, о котором идет речь в нашем правдивом повествовании, свободнорожденный эллин Агафокл, сын Агафокла-старшего, купец из Книда, потерял свое достояние, а вместе с ним и свободу. Потеряв же свободу, он тут же едва не потерял жизнь – однако, скажете вы, кому интересно столь заурядное событие, если только оно не произошло в окружении человека незаурядного и, следовательно, не послужило поводом к созданию исторического анекдота? Потерпите немного, читатель.

Квинт Пупий Руф, хозяин Агафокла, был человеком заурядным. И его развратный полуприятель-полуклиент, чье имя история не сохранила, но которому на вилле Пупия позволялось многое, также не был выдающейся личностью. И если мы упоминаем их в своем рассказе, то лишь следуя правилу не обходить молчанием ничего из того, что нам известно об Агафокле и его Счастливой звезде.

Прислуживать на вилле Пупия Руфа – не ломать спину на виноградниках. Вчерашний купец, ныне – купленный раб, не вполне еще оценил выпавшую на его долю редкую удачу и даже не успел как следует пройти курс обучения у впавшего в дряхлость старого раба Пупия, как новый поворот судьбы бросил его на скамью гребца триремы, и виноват в этом повороте был он сам.

Могли бы и убить.

– Эллин? – строго спросил гость, принимая поданную Агафоклом чашу. – Грекулос? Экий нежный... Белая свекла?¹ – Агафокл замотал головой. – Нет? Не верю.

И не успел Агафокл опомниться, как гость, отставив чашу, ловкой подножкой повалил его на ложе, облапил и под жирное хихиканье Пупия принялся сдирать с раба хитон, гогоча во все горло и призывая в свидетели богов, что давно уже не пробовал сладенького и что Пупий, радушный хозяин, друг и щедрый патрон, не откажет гостю в невинном удовольствии...

Тут-то и произошло непоправимое: вырвавшись, Агафокл наотмашь ударил гостя. Ударил смачно. От души.

Трудно сказать, явилось ли это необдуманное действие невольным протестом со стороны еще недавно свободного книдского гражданина или же Агафокл некстати вспомнил о Счастливой звезде, но то, что последовало за поступком Агафокла, известно достоверно: пока Пупиев полуприятель-полуклиент еще кувыркался в кровавых соплях, пытаясь разобраться, каким ветром его снесло с ложа, сам Пупий, брезгливо кривя чувственный рот, уже отдавал короткое приказание сбежавшимся по его зову рабам. Немедленным следствием приказа было водворение Агафокла в небольшой и как бы домашний Пупиев эргастул, находившийся тут же, на вилле.

То, что его даже не избили, вселяло самые черные подозрения. Их охотно подтверждал раб, раз в день носивший Агафоклу гнилую бурду. Так продолжалось неделю. Несомненно, хозяин решал: казнить ли провинившегося раба своей властью или же передать префекту для поучительного повешения на столбе.

---

¹ Автору не удалось выяснить, почему в греко-римской античности развратников называли белой свеклой, а не как-то иначе. Однако факт есть факт.

Наконец его вывели на свежий воздух и сняли цепь, однако лишь для того, чтобы тут же приковать к другой цепи, сковывавшей вереницу осужденных. Легионеры-конвойные были недовольны задержкой и торопили кузнеца. Пупия не было видно, сколько Агафокл ни крутил головой. Он повеселел: казнь, по-видимому, откладывалась, утро было ясное, и в восточной части неба, невидимая, кроме него, ни одному смертному в Ойкумене, не тая в лучах колесницы Гелиоса, по-прежнему ярко сияла его Счастливая звезда.

Он еще успеет обратиться к ней; даже висая на столбе, еще не поздно сделать это. Римляне не убивают сразу.

Первый день колонна шла пешком. В полдень и вечером конвойные дали овощей и позволили напиться у источника. На второй день осужденных посадили в повозки, и это было еще удивительнее раздачи овощей. Может быть, они хотят, чтобы осужденные подольше продержались на столбах? Э-хе... Агафокл услышал слово, громко произнесенное кем-то: навмахия.

От знакомого слова почему-то стало липко и страшно.

Предопределения судьбы неведомы даже богам, так стоит ли говорить о простых смертных. Даже и о не совсем простых... О том, что он не простой смертный, Агафокл узнал в раннюю пору юности, и узнал случайно. Однажды зимним вечером, когда рассерженное море выло и плевалось, врываясь в книдскую гавань, а небо было ясное и безлунное, он стоял перед деревянным, сработанным под хиосский мрамор портиком старого отцовского дома на Меняльной улице и, разинув рот, глазел на небо. Что его побудило в тот вечер взглянуть в очертания созвездий, является загадкой и рассмотрению не подлежит. Гораздо существеннее то, что за этим занятием, в принципе полезным, но приличествующим скорее сыну кормчего, нежели купца, его застал отец.

Уместнее всего в такой ситуации был бы подзатыльник, однако, против ожидания, Агафокл-старший подзатыльника сыну не дал, а встал рядом и, задрав бороду, тоже стал вглядываться.

– Видишь ее? – спросил он некоторое время спустя, переждав приступ немого удивления Агафокла-младшего.

– Кого, отец? – почтительно спросил сын, на всякий случай отступая на шаг.

– Кого, кого... Если бы я знал, кого! Если бы я ее видел! Уж я бы... Э-эх! Ну-ка скажи, что ты там видишь?

– Звезда, отец. Очень яркая. Золотая. А вчера не было. Да вот же она!

– Где? Скажи словами.

– Левее и ниже Тайгеты, отец. Неужели ты не видишь?

– Верно, – буркнул Агафокл-старший. – Там она сейчас и должна быть. Туда-то ее и повесили. А я... – он понурился и вздохнул, – я ее не вижу, сынок. Все вокруг вижу, а ее – нет, не могу. Всю жизнь пытаюсь увидеть, а увидел ты. Выходят, боги тебя любят... – он усмехнулся в бороду. – Придется завтра в жертву быка принести – не меньше.

– Кому, отец? – удивленно спросил Агафокл-младший.

– Гелиосу, конечно...

Наутро, едваждавшись восхода солнца, отец потащил его из дома.

– И теперь видишь звезду?

Агафокл ответил утвердительно. Более отец ничего не пожелал объяснять, сколько Агафокл ни спрашивал. Самым удивительным было то, что звезда не участвовала в обращении небесных циклов. Она упрямо стояла на месте, как приколотенная гвоздем, и ночью можно было наблюдать, как окружающие звезды медленно-медленно проходят и над ней, и под ней, и сквозь нее.

С тех пор отец начал относиться к Агафоклу почти как к равному и – странное дело – стал реже брать его с собой в поездки по торговым делам, перестал заставлять упражняться в счете

устным и письменном, зато твердо настоял на посещении философской школы при гимнасии и огорчился неудачам сына больше, чем торговым неудачам.

Агафокл, не понукаемый никем, жил в свое удовольствие. Школа была развлечением для ума, не больше. Однажды, расpiraемый тайной, как амфора переперобродившим вином, он объявил, что днем и ночью видит звезду, стоящую на небосклоне неподвижно... Избавиться от насмешек не удавалось целый год.

К тому времени он уже видел звезду сквозь стены.

В день, когда Агафоклу-младшему минул двадцатый год, отец приказал ему следовать за собой и привел на круглую пустошь в нескольких стадиях от города, где только и росло, что колючки и жесткая трава пучками и не любил пастись скот. Здесь Агафокл-старший поведал сыну историю Счастливой звезды, а мы вынуждены ограничиться вольным пересказом, опустив подробности явно вымышленные, дабы, не скрыв истины, охранить правдивость нашего повествования.

Случилось это за три с половиной века до рождения Агафокла-младшего, когда земли Азии топтало войско победоносного Александра. Гремел Граник, пылал Тир и, как водится, вместе с македонской армией, а чаще за ней, продвигались, попутно занимаясь мелкими и крупными грабежами, отряды греческих наемников. Впрочем, у Дария они тоже были.

Один из таких отрядов (чью сторону он держал – неважно), воровски подбираясь к Книду, встретил невдалеке от города неосторожного пастуха с овечьим стадом. Возблагодарив Зевса Олимпийского за щедрый дар, оголодавшие наемники накостыляли соотечественнику по шее до самых пяток и, бросив в кустах бесчувственное тело, устроили буйный пир. Когда пастух пришел в себя и обнаружил, что одна часть стада съедена, а другая угнана неведомо куда, первой его мыслью было удавиться без промедления. И он уже начал приводить в исполнение свое намерение, как вдруг с небес к нему спустился сам Гелиос на громадной грохочущей колеснице. Колесница та стояла на огненном хвосте, и там, где хвост касался земли, он вырывал с корнем кусты и деревья и отшвыривал их прочь, изломанные и горящие, а протекавший в овраге ручей выкипел весь. Когда же хвост иссяк и колесница встала на землю, из нее вышел бог в серебряном одеянии, величав и спокоен. Узнав имя несчастного пастуха и причину его несчастья, расспросив его о многом, что делается на Земле, и немало подивившись ответам, бог повелел так: пусть до первой твоей просьбы днем и ночью сияет на востоке звезда, видимая тебе одному. Проси у нее что хочешь, однако не переусердствуй в желании ненужного тебе и людям. Если же ты по неразумию, боязни или скромности воздержишься от просьбы, то знай: иные из твоих потомков, носящие, как и ты, имя Агафокл, смогут видеть эту звезду и один из них – но лишь один! – сможет, назвав свое имя, попросить ее о чем захочет. После этого звезда навсегда перестанет быть видимой кем бы то ни было. Так сказал бог и взвился в небо на колеснице с огненным хвостом. А пастух пошел в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.